
КРЫСАНОВА Н.В.¹ ИНСТИТУТ СУДЕБНОГО ПРИМИРЕНИЯ В РАЗЛИЧНЫХ ПРАВООПОРЯДКАХ. (Обзор).

Аннотация. В обзоре рассматриваются вопросы правового регулирования примирительных процедур в России и за рубежом. Основное внимание уделяется институту судебного примирения, поскольку данный институт в первую очередь способствует мирному разрешению спора, возникшего между сторонами. Проводится сравнительный анализ особенностей правового регулирования использования судебного примирения в правовых семьях. Показаны законодательное регулирование и практика применения примирительных процедур в США.

Ключевые слова. Примирительные процедуры; судебное примирение; медиация; гражданский процесс; мировое соглашение.

KRYSANOVA N.V. Institute of judicial reconciliation in various legal systems. (Review).

Abstract. The review examines the issues of legal regulation of conciliation procedures in Russia and abroad. The main attention is paid to the institution of judicial reconciliation, since this institution, first of all, contributes to the peaceful resolution of the dispute that has arisen between the parties. A comparative analysis of the features of the legal regulation of the use of judicial reconciliation in legal families is carried out. Legislative regulation and practice of application of conciliation procedures in the USA are shown.

---

¹Крысанова Н.В., старший научный сотрудник отдела правопведения ИНИОН РАН, кандидат юридических наук.

Keywords: Conciliation procedures; judicial reconciliation; mediation; civil procedure; settlement agreement.

Для цитирования: Крысанова Н.В. Институт судебного примирения в различных правовых порядках. (Обзор) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература : ИАЖ. Сер. 4: Государство и право. – 2022. – № 2. – С. 204–212. DOI: 10.31249/rgpravo/2022.02.13

Институт судебного примирения введен в российское процессуальное законодательство Федеральным законом от 26.07.2019 № 197-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», который предусматривает положение о том, что стороны вправе урегулировать спор путем использования примирительной процедуры с участием судебного примирителя (судебное примирение).

Значимость института примирения, считает О.А. Мачучина, судья арбитражного суда Самарской области, заключается в том, что он не только помогает согласовывать интересы субъектов права, снижает уровень взаимных претензий сторон, агрессивность в социуме, но и способствует сохранению отношений, в которых заинтересованы как субъекты права, так и государство. Внедрение института примирения позволит, по ее мнению, значительно снизить нагрузку на судей и уменьшить расходование бюджетных средств. Примирение традиционно определяется учеными как разновидность юридической процедуры или только как разновидность юридического процесса. Автор придерживается позиции изучения института примирения в широких рамках процессуального права. При этом юридическая процедура рассматривается как самостоятельная категория, совокупность вторичных норм, регулирующих «простые» формы правоприменения. Наряду с данным пониманием юридической процедуры ее можно рассматривать и как инструментальный юридический процесс, позволяющий реализовать задачи в рамках сложных форм правоприменительной деятельности. По мнению В.Н. Протасова, правовая процедура должна рассматриваться как родовое понятие по отношению к понятию «юридический процесс» [2, с. 65].

Российское законодательство не дает общего понимания термина «примирительные процедуры», и, более того, каждая отрасль права вносит в содержание этого понятия свою специфику.

Несмотря на то что в законодательстве предпринимаются попытки определения отдельных видов примирительных процедур, например медиации, этого недостаточно для полноценного функционирования института примирения в России [2, с. 75]. Причем термин «примирительные процедуры» в рамках англосаксонской системы права также раскрывается через виды таких процедур с последующим закреплением видовых отличий.

В настоящее время обсуждается Концепция единого Гражданского процессуального кодекса РФ, в основе которой лежит необходимость унификации гражданского и арбитражного процессуального законодательства, обеспечение доступного и справедливого правосудия, осуществляемого в разумные сроки с соблюдением процессуальных норм компетентными и независимыми судьями, гарантии исполнения судебных актов. Согласно данной концепции задачами суда являются, в частности, содействие становлению и развитию партнерских деловых отношений, формирование обычаев и этики делового оборота. Соответственно выполнение данных задач напрямую связано с категорией примирения. При этом примирение возможно как на досудебном этапе через закрепление перечня категорий дел, по которым обязательно претензионное урегулирование спора, так и при разрешении спора судом через реализацию содействия примирения сторон на любом этапе правосудия.

Говоря о проблемах и перспективах развития института примирения в России, О.А. Мачучина анализирует причины низкой популярности института примирения [2, с. 101]. С точки зрения автора, они носят разноплановый характер, однако основной причиной является высокий уровень правового нигилизма и правовая неграмотность населения. Анализ причин неэффективности института примирения в процессуальном праве позволяет автору сформулировать следующие выводы: 1) примирение в рамках судебного производства, а также в рамках неюрисдикционного процесса в данный момент неэффективно; 2) повышение эффективности института примирения в судопроизводстве возможно только путем комплексного устранения причин, препятствующих развитию законодательной базы; 3) примирение в юрисдикционном процессе эффективно только посредством регламентированной процедуры; 4) развитие института примирения находится в зави-

симости от уровня правосознания, правовой культуры, менталитета и внутриличностных характеристик.

Сравнительно-правовой анализ применения института примирения в разных правовых семьях позволяет О.А. Мачучиной раскрыть их особенности. Так, институт примирения в романо-германской правовой семье имеет свои отличительные черты, которые состоят в следующем: 1) закрепление и регулирование на законодательном уровне применения форм реализации института примирения как с участием, так и без участия третьей, независимой и беспристрастной, стороны. То есть налицо формальность подхода, характерная для примирения в рамках юрисдикционного процесса. Однако применение непосредственных примирительных процедур в случаях частного юридического процесса позволяет говорить об отсутствии формы, установленной законом, они разрабатываются самими участниками процедур; 2) использование переговоров, посредничества, медиации и арбитража (третейское разбирательство) как основных форм реализации института примирения в гражданско-правовых отношениях; 3) отсутствие определенной и четкой системы форм примирения и понятийного аппарата (например, отождествление посредничества и медиации в Австрии); 4) ориентированность сторон скорее на состязательный процесс для разрешения спора, нежели сотрудничество и мирное урегулирование спора. С целью изменения такой тенденции в рамках некоторых споров законодательство ряда стран предусматривает обязательное обращение к примирению посредством претензионного порядка до обращения в суд (например, в России); 5) активное участие суда в урегулировании спора посредством использования различных форм реализации института примирения [2, с. 140].

Особенности института примирения в странах общего права проявляются в следующем. Во-первых, как правило, отсутствует специальное законодательство в отношении отдельных форм реализации рассматриваемого института (за исключением США); нормы, предусматривающие порядок разрешения уголовного-правового конфликта, содержатся в отдельных нормативных правовых актах, а не в уголовных или уголовно-процессуальных кодексах. Во-вторых, распространено досудебное разрешение спора, т.е. в приоритете институт примирения и его примирительные

формы. В-третьих, обнаруживается наличие различных видов примирительных процедур и появление новых процедур, использование как основных, так и комбинированных форм примирения в рамках одного дела, а также применение механизмов примирения в рамках восстановительного правосудия. В-четвертых, в силу приоритета разрешения конкретного спора, а не выработки единого подхода для сходных ситуаций (как и в праве континентально-правовой семьи) повышается престиж института примирения. В-пятых, примирительные процедуры в целях разрешения различных споров классифицируются в зависимости от групп общественных отношений (семейных, предпринимательских и др.) [2, с. 148–149].

Страны религиозно-традиционной правовой семьи подразделяются на две правовые группы: религиозная (европейское право, мусульманское право, индусское право) и традиционная (право стран Дальнего Востока, ряда стран Африки, Мадагаскара). Для каждой религии характерно свое отношение к таким категориям, как «должное» и «греховное» в поведении человека, поэтому практически каждая из стран данной правовой семьи обладает специфическими чертами, основанными на религиозных воззрениях.

Тема судебного примирения рассматривается также Е.В. Токаревой и А.М. Чупиной, которые относят его к процедуре, очень близкой к медиации, хотя и подчеркивают, что они не равны друг другу с точки зрения сущности и порядка проведения. Судебное примирение и медиация имеют своей целью урегулирование спора с помощью третьей (нейтральной) стороны, которая содействует сторонам в ведении переговоров и достижении соглашения по спору, не противопоставляя их позиции, а основываясь на выявлении их интересов. Специфика здесь может проявляться в фигуре судебного примирителя, статус его в настоящее время в интерпретации, предложенной законодателем, является достаточно спорной. Однако авторы положительно оценивают сделанную ставку отечественного законодателя именно на судей в отставке, опыт которых вызывает доверие граждан. Вследствие этого судебный примиритель оказывает большее статусное влияние на граждан в отличие от медиаторов. Причем список судебных примирителей формируется и утверждается Пленумом Верховного суда РФ [3, с. 193].

Рассматривая вопросы оплаты услуг судебного примирителя, Е.В. Токарева и А.М. Чупина раскрывают положения постановления Правительства РФ от 14 апреля 2020 г. № 504, где установлено, что труд судебных примирителей оплачивается за счет средств федерального бюджета. Как следует из данного постановления, оплата труда судебного примирителя осуществляется в виде вознаграждения в размере половины должностного оклада судьи, рассматривающего дело, пропорционально числу дней участия судебного примирителя в процедуре судебного примирения. За работу в местностях с тяжелыми климатическими условиями предусматриваются надбавки. При проведении нескольких процедур в один день примирителю по твердому тарифу оплатят каждую из них [3, с. 194].

Дата издания указанного выше постановления Правительства РФ позволяет авторам сделать вывод о том, что столь оптимистичные прогнозы относительно оплаты труда судебных примирителей были сформулированы еще до начала распространения COVID-19 и тех тяжелых экономических последствий, которые она повлекла. Пленарное заседание Совета судей в декабре 2020 г., решая в числе прочих вопросы, связанные с финансированием судебной системы, вынесло решение не индексировать зарплаты судей в 2021 г. Очевидно, что в сложившейся ситуации государству невыгодно оплачивать услуги примирителя, действующего в интересах двух или нескольких спорящих лиц, преследующих свои частные интересы. И, как считают авторы, необходимо пересмотреть механизм оплаты услуг судебного примирителя, поставив ее (оплату) в зависимость от достигнутого результата судебного примирения, без возможности оплаты фактического труда судебных примирителей при отсутствии результата примирительной процедуры.

Закрепление в действующем процессуальном законодательстве процедуры судебного примирения, считают Е.В. Токарева и А.М. Чупина, имеет большой практический потенциал, реализация которого возможна, с одной стороны, в привлечении для разрешения спора профессиональных судей в отставке, обладающих большим доверием со стороны граждан, а с другой стороны, в активной политике государства, направленной на внедрение данного процессуального института в правовую жизнь общества [3, с. 195].

Тема альтернативного разрешения споров в настоящее время является модной в России. И причины такой популярности состоят, как считает Д.В. Князев, заведующий кафедрой гражданского процессуального права Западно-Сибирского филиала Российского государственного университета правосудия (г. Томск), в том, что нагрузка на судебную систему растет из года в год, поэтому государство стремится к ее снижению и в качестве одного из средств предлагается новый институт судебного примирения [1, с. 8]. Подобное происходило в США во второй половине XX в., когда резко увеличилось количество судебных дел, выросли судебные расходы, которые приходилось нести сторонам судебного спора. На федеральном уровне было принято огромное количество правовых актов, предусматривавших средства защиты прав граждан, что способствовало усилению активности судей на подготовительной стадии судопроизводства. В связи с этим Д.В. Князев рассматривает трансформацию роли судей в США на подготовительной стадии процесса. При этом отмечает, что формы участия судей США в урегулировании споров чрезвычайно многообразны – начиная от рекомендации обратиться к посреднику (медиатору) и заканчивая участием в посреднической процедуре лично назначенного судьи, который впоследствии будет рассматривать дело по существу в случае неудачи примирения [1, с. 87].

Под функциями суда в примирении сторон понимаются в США любые действия суда, совершаемые им в целях окончания правового спора путем заключения сторонами соглашения. Все функции судей в рамках задачи по урегулированию спора подразделяются на две группы: 1) функции, связанные с администрированием (менеджментом) процесса урегулирования, и 2) функция непосредственного участия судьи в процедуре примирения сторон [1, с. 112]. Способы назначения примирительных процедур, которые используют федеральные суды в зависимости от возможностей сторон влиять на назначение процедуры, или «степени добровольности» назначения сводятся к трем моделям: 1) добровольной (суд назначает процедуру по ходатайству сторон или по собственной инициативе, но с обязательным учетом мнения сторон или с их согласия); 2) обязательной – с возможностью исключения (суд назначает по делу процедуру по инициативе сторон или по собственной инициативе, при этом стороны вправе заявить возраже-

ния относительно такого назначения); 3) обязательной (суд вправе в итоге обсуждения со сторонами назначить процедуру независимо от мнения сторон или учет их мнения не предусмотрен).

К функциям по сопровождению уже начатых процедур в США относятся: разрешение вопросов, связанных с отводом посредника; оценка поведения сторон в примирительных процедурах и привлечение их к ответственности; установление срока проведения процедуры; обеспечение исполнения неисполненного соглашения. При этом, подчеркивает Д.В. Князев, функция оценки поведения сторон в примирительных процедурах имеет особое значение. Ведь в случае обязательности медиации суд вынужден оценивать действия участников спора до и (или) в ходе медиативной процедуры. Выработка единых критериев надлежащего исполнения обязанностей сторон по участию в примирительной процедуре, подчеркивает автор, очень непростая задача. В США требование о добросовестном участии в медиации закреплено в законодательстве и в локальных правилах судов. Такое требование призвано стимулировать стороны надлежаще относиться к медиации, а также исключить злоупотребления в ходе процедуры. Однако легального определения добросовестности не существует, оно не устоялось ни на уровне прецедентов, нет и единого мнения в доктрине. В связи с этим, по мнению большинства американских правоведов, «требование о добросовестном участии лишь вредит медиативной процедуре: искажаются взаимоотношения между ее участниками, усиливается состязательное начало, что противоречит природе медиации; наблюдается неявное принуждение сторон к заключению соглашения; появляется возможность для возникновения дополнительного судебного разбирательства – об ответственности за ненадлежащее поведение в ходе медиации; происходит размывание роли медиатора в связи с необходимостью оценивать действия сторон; неизбежен конфликт с принципом конфиденциальности процедуры» [1, с. 202].

Анализируя функцию непосредственного участия судей в урегулировании споров, Д.В. Князев отмечает, что в американской литературе данная функция оценивается положительно, и к достоинствам этого института относятся следующие: репутация судей, их моральный авторитет; высокая квалификация судей; участие судьбы позволяет «уровнять» стороны; результат урегулирования с

участием судьи качественно отличается в лучшую сторону, так как соглашение, заключенное при содействии судьи, в большей степени основано на нормах права, чем без такого вмешательства [1, с. 203].

Вместе с тем участие в процедуре урегулирования спора назначенного судьи (который в дальнейшем будет рассматривать дело по существу) вызывает множество вопросов. Во-первых, формирование у судьи предубеждения в отношении дела, поскольку назначенный судья составляет свое мнение относительно позиций сторон во время неформальной беседы, что формирует у него предубеждение, которое влияет на беспристрастность. Во-вторых, посредническая процедура требует от сторон обмена информацией, и поэтому стороны обоснованно опасаются, что сведения, которые они раскроют в ходе урегулирования, «испортят» последующее судебное разбирательство, если процедура примирения окажется безуспешной. В связи с этим стороны не могут быть откровенны с назначенным судьей. В-третьих, основной аргумент против привлечения назначенного судьи состоит в явном или скрытом принуждении сторон к заключению соглашения. Судья, решивший урегулировать дело, обладает полномочиями для принуждения к соглашению. «Соблазн судьи надавить на стороны с целью принуждения к соглашению слишком велик, кроме того, выявить такое давление тяжело в связи с тем, что действие происходит «за закрытыми дверями» [1, с. 183–184].

Список литературы

1. Князев Д.В. Судебное примирение в гражданском процессе США. – Москва : Городец, 2021. – 224 с.
2. Мачучина О.А. Институт примирения: теоретико-правовые основы. – Москва : Юрлитинформ, 2021. – 176 с.
3. Токарева Е.В., Чупина А.М. Судебное примирение в цивилистическом процессе: тенденции и перспективы развития // Вопросы российского и международного права. – 2021. – Т. 11, № 1 А. – С. 189–198.